

神戸市外国語大学 学術情報リポジトリ

Некоторые особенности
образных сравнений Л.Н.
Толстого в романе "Война и
мир

メタデータ	言語: rus 出版者: 公開日: 1993-11-30 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: 天野, 和男, АМАНО, Кадзуо メールアドレス: 所属:
URL	https://kobe-cufs.repo.nii.ac.jp/records/2135

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 3.0 International License.

Некоторые особенности образных сравнений Л. Н. Толстого

— В романе “Война и мир” —

Кадзуо АМАНО

§ 1 Данная работа посвящена вопросу семантики образных сравнений, употребленных Л. Н. Толстым в качестве средств эффективной изобразительности в его романе “Война и мир”⁽¹⁾.

Образное сравнение для великого писателя представляет собой одно из важнейших средств не только совершенствования художественных методов, но и выражения глубины психики.

Из-за ограничений, которые налагаются размером статьи, в данной работе рассматривается только “образ”, или “объект сравнения”⁽²⁾, семантический анализ которого, на наш взгляд, помогает в освещении некоторых особенностей художественного мира великого мастера слова.

§ 2 В результате анализа семантики конкретного содержания образов нами выделяются, как самые характерные, три лексико-семантические группы.

1. бесчисленность
2. механизм
3. сильный и слабый

(1) Материалом для работы послужило 1-ое издание, Собрания сочинений Л. Н. Толстого, Государственное издательство художественной литературы, Л. 1958

(2) Структура образных сравнений в принципе включает в себя четыре компонента:

- ① тема, или субъект сравнения
- ② образ, или объект сравнения
- ③ основание, или критерий сопоставления
- ④ показатель сравнения

§ 3 К семантической группе “бесчисленность” в первую очередь принадлежит “муравей”

Так же, как трудно объяснить, для чего, куда спешат *муравьи* из раскиданной кочки, одни прочь из кочки, таща соринки, яйца и мертвые тела, другие назад в кочку—для чего они сталкиваются, догоняют друг друга, дерутся,—так же трудно было бы объяснить причины, заставлявшие русских людей после выхода французов толпиться в том месте, которое прежде называлось Москвою. Но так же, как, глядя на рассыпанных вокруг разоренной кочки *муравьев*, несмотря на полное уничтожение кочки, видно по цепкости, энергия, по бесчисленности копышущихся насекомых, что разорено все, кроме чего-то неразрушимого, невещественного, составляющего всю силу кочки,—так же и Москва, в октябре месяце, несмотря на то, что не было ни начальства, ни церквей, ни святынь, ни богатств, ни домов, была та же Москва, какую она была в августе. Все было разрушено, кроме чего-то невещественного, но могущественного и неразрушимого.

Москва с ее жителями, полностью разрушенная французами, сравнивается с разоренной кочкой с муравьями. Основание, или, критерий сопоставления, представляет собой “бесчисленность”, “энергия” (сила жизненности) и “цепкость”, говоря другими словами, “что-то неразрушимое, невещественное и могущественное”. По Л. Н. Толстому, творцы, хозяева Москвы — это никто иной, как жители города, которые сравниваются с муравьями — символом бесчисленности, из которой возникают энергия и цепкость.

Отметим, что для выражения мировоззрения, или самых главных взглядов на жизнь, автор обращается к способу образного сравнения.

“Бесчисленность”, на наш взгляд, является источником всех других элементов: энергии, цепкости, а иногда и беспорядочности.

Приведем еще несколько примеров, в которых употреблен в качестве образа “муравей”.

С двух сторон поднимались и расходились черные клубы дыма от пожаров. На улице не рядами, а как *муравьи* из разоренной кочки, в разных мундирах и в разных направлениях, проходили и пробегали солдаты.

Несколько батальонов солдат в одних рубахах, несмотря на холодный ветер, как белые *муравьи*, копошились на этих укреплениях; из-за вала невидимо кем беспрестанно выкидывались лопаты красной глины.

«Ну-ка, наша Матвевна»,—говорил он про себя. Матвевной представлялась в его воображении большая крайняя, старинного литья пушка. *Муравьями* представлялись ему французы около своих орудий.

Заметим, что в трех приведенных примерах тема общая — французские солдаты, а критерий сопоставления — многочисленность и беспокойное движение.

§ 4 Наряду с “муравьем”, типичным насекомым, живущим и работающим в большом коллективе, считается “пчела”.

Отметим, что глава 20 (часть III, том III) состоит из одного сравнения — великолепного образного сравнения оставляемой Кутузовым Москвы с вымирающим, обезматочившем ульем пчел. На наш взгляд, та сила изображения Москвы перед нашествием Наполеона, которой достиг писатель в данной главе, стала возможной только благодаря использованию образного сравнения. Среди многочисленных оригинальных высоко-художественных выражений это, по мнению автора, является одним из лучших, наиболее полно показывающих силу художественного мастерства и человеческой натуры Л. Н. Толстого.

Следующая цитата довольно длинная, но, на наш взгляд, нельзя не привести ее полностью. Чтение ее, уверен, доставит читателям безмерную радость встречи с настоящей литературой.

Москва между тем была пуста. В ней были еще люди, в ней оставалась еще пятидесятая часть всех бывших прежде жителей, но она была пуста. Она была пуста, как пуст бывает домирающий, обезматочивший улей.

В обезматочившем улье уже нет жизни, но на поверхностный взгляд он кажется таким же живым, как и другие.

Так же весело в жарких лучах полуденного солнца вьются пчелы вокруг обезматочившего улья, как и вокруг других живых ульев; так же издали пахнет от него медом, так же влетают и вылетают из него *пчелы*. Но стоит приглядеться к нему, чтобы понять, что в улье этом уже нет жизни. Не так, как в живых

ульях, летают *пчелы*, не тот запах, не тот звук поражают пчеловода. На стук пчеловода в стенку большого улья вместо прежнего, мгновенного, дружного ответа, шипенья десятков тысяч *пчел*, грозно поджимающих зад и быстрым боем крыльев производящих этот воздушный жизненный звук,—ему отвечают разрозненные жужжания, гулко раздающиеся в разных местах пустого улья. Из летка не пахнет, как прежде, спиртовым, душистым запахом меда и яда, не несет оттуда теплом полноты, а с запахом меда сливается запах пустоты и гнили. У летка нет больше готовящихся на погибель для защиты, поднявших кверху зады, трубящих тревогу стражей. Нет больше того ровного и тихого звука, трепетанья труда, подобного звуку кипенья, а слышится нескладный разрозненный шум беспорядка. В улей и из улья робко и увертливо влетают и вылетают черные продолговатые, смазанные медом пчелы-грабительницы; они не жалят, а ускользают от опасности. Прежде только с ношами влетали, а вылетали пустые *пчелы*, теперь вылетают с ношами. Пчеловод открывает нижнюю колодезю и вглядывается в нижнюю часть улья. Вместо прежде висевших до уза (нижнего дна) черных, усмиренных трудом плетей сочных *пчел*, держащих за ноги друг друга и с непрерывным шепотом труда тянущих вощину,—сонные, ссохшиеся *пчелы* в разные стороны бредут рассеянно по дну и стенкам улья. Вместо чисто залепленного клеем и сметенного веерами крыльев пола на дне лежат крошки вошин, испражнения пчел, полумертвые, чуть шевелящие ножками и совершенно мертвые, неприбранные *пчелы*.

Пчеловод открывает верхнюю колодезю и осматривает голову улья. Вместо сплошных рядов *пчел*, облепивших все промежутки сотов и греющих детву, он видит искусную, сложную работу сотов, но уже не в том виде девственности, в котором она бывала прежде. Все запущено и загажено. Грабительницы—черные *пчелы*—шныряют быстро и украдисто по работам; свои *пчелы*, ссохшиеся, короткие, вялые, как будто старые, медленно бродят, никому не мешая, ничего не желая и потеряв сознание жизни. Трутни, шершни, шмели, бабочки бестолково стучатся на лету о стенки улья. Кое-где между вощинами с мертвыми детьми и медом изредка слышится с разных сторон сердитое брюзжание; где-нибудь две *пчелы*, по старой привычке и памяти очищая гнездо улья, старательно, сверх сил, тащат прочь мертвую *пчелу* или шмеля, сами не зная, для чего они это делают. В другом углу другие две старые *пчелы* лениво дерутся, или чистятся, или кормят одна другую, сами не зная, враждебно или дружелюбно они это делают. В третьем месте толпа *пчел*, давя друг друга, нападает на какую-нибудь жертву и бьет и душит ее. И ослабевшая или убитая *пчела* медленно, легко, как пух, спадает сверху в кучу трупов. Пчеловод' разворачивает две средние вощины, чтобы видеть гнездо. Вместо прежних сплошных черных кругов, спинка с синкой спящих тысяч *пчел*

и блюдущих высшие тайны родного дела, он видит сотни унылых, полуживых и заснувших остовов *пчел*. Они почти все умерли, сами не зная этого, сидя на святине, которую они блюли и которой уже нет больше. От них пахнет гнилью и смертью. Только некоторые из них шевелятся, поднимаются, вяло летят и садятся на руку врагу, не в силах умереть, жала его,—остальные, мертвые, как рыба чешуя, легко сыплется вниз. Пчеловод закрывает колодезную, отмечает мелом колодку и, выбрав время, выламывает и выжигает ее.

Так пуста была Москва, когда Наполеон, усталый, беспокойный и нахмуренный, ходил взад и вперед у Камер-коллежского вала, ожидая того хотя внешнего, но необходимого, по его понятиям, соблюдения приличий,—депутации.

Чрезвычайно подробно, путем образного сравнения с “пчелами” изображается писателем безнадежное состояние пустой Москвы. “Пчеловод закрывает колодезную, отмечает мелом колодку и выбрав время, выламывает и выжигает ее”, — значит, не осталось ни малейшей надежды.

В отличие от сравнения с “муравьями” данное сравнение с “пчелами” производит трагически-гнетущее впечатление. Вместо прежних сплошных черных кругов, спинка с спинкой сидящих тысяч пчел и блюдущих высшие тайны родного дела⁽³⁾, теперь господствует смертный мир.

Интересно отметить, что разрушенная Москва и ее жители изображаются только с помощью двух образов <двух насекомых — муравья и пчелы>, однако эти два образа производят чрезвычайно сильное впечатление.

§ 5 В семантическую группу “механизм” входят “часы”, “кур-анты”, “винт” и т. д.

(3) Приведем еще одно сравнение Москвы, в этот раз — с преступником.

Как преступник, которого ведут на казнь, знает, что вот-вот он должен погибнуть, но все еще приглядывается вокруг себя и поправляет дурно надетую шапку, так и Москва невольно продолжала свою обычную жизнь, хотя знала, что близко то время гибели, когда разорвутся все те условные отношения жизни, которым привыкли покоряться.

Как в механизме *часов*, так и в механизме военного дела, так же неудержимо до последнего результата раз данное движение, и так же безучастно неподвижны, за момент до передачи движения, части механизма, до которых еще не дошло дело. Свистят на осях колеса, цепляясь зубьями, шипят от быстроты вертящиеся блоки, а соседнее колесо так же спокойно и неподвижно, как будто оно сотни лет готово простоять этою неподвижностью; но пришел момент—зацепил рычаг, и, покоряясь движению, трещит, поворачиваясь, копесо и сливается в одно действие, результат и цель которого ему не понятны.

Как в *часах* результат сложного движения бесчисленных различных колес и блоков есть только медленное и равномерное движение стрелки, указывающей время, так и результатом всех сложных человеческих движений этих ста шестидесяти тысяч русских и французов—всех страстей, желаний, раскаяний, унижений, страданий, порывов гордости, страха, восторга этих людей—был только проигрыш Аустерлицкого сражения, так называемого сражения трех императоров, то есть медленное передвижение всемирно-исторической стрелки на циферблате истории человечества.

Результат всеу сложных человеческих движений бесчисленных русских и французов во время военных действий сравнивается с результатом движения бесчисленных различных колес и блоков в часах. Критерием сопоставления является неудержимое действие. В данном примере явно отражены взгляды писателя на человеческую историю, движение которой совершается хотя и медленно, но неудержимо.

В месяц грабежа французского войска в Москве и спокойной стоянки русского войска под Тарутиним совершилось изменение в отношении силы обоих войск (духа и численности), вследствие которого преимущество силы оказалось на стороне русских. Несмотря на то, что положение французского войска и его численность были неизвестны русским, как скоро изменилось отношение, необходимость наступления тотчас же выразилась в бесчисленном количестве признаков...

И тотчас же, так же верно, как начинают бить и играть в *часах куранты*, когда стрелка совершила полный круг, в высших сферах, соответственно существенному изменению сил, отразилось усиленное движение, шипение и игра *курантов*.

Наступление русского войска началось сразу после того, как изменилось соотношение сил русского войска и французского, точно

так же, как куранты начинают бить и играть, когда стрелка часов совершает полный круг. Отметим, что к существенному изменению сил приводит их крайнее накопление, которое проявляется в бесчисленном количестве признаков. Здесь выражены философские взгляды Толстого по поводу хода истории.

Notre corps est une machine à vivre. Il est organisé pour cela, c' est sa nature ; laissez-y la vie à son aise, qu' elle s'y défende elle même : elle fera plus que si vous la paralysez en l' encombrant de remèdes. Notre corps est comme *une montre* parfaite qui doit aller un certain temps ; l'horloger n' a pas la faculté de l'ouvrir, il ne peut la manier qu' à tâtons et les yeux bandés. Notre corps est une machine à vivre, voilà tout

Слова Наполеона свидетельствуют о недоверии к медицине. Человеческое тело сравнивается с часами, которые даже часовщик не может открыть. Образы “часы”, “куранты” представляют собой выражение неудержимого течения времени — их механизм работает вне воли человека.

§ 6 В этом сравнении отражено главное отношение писателя к героям.

... и опять много гениев и героев описывают нам в этот период кампании, но о Дохтурове ни слова, или очень мало, или сомнительно. Это-то умолчание о Дохтурове очевиднее всего доказывает его достоинства.

Естественно, что для человека, не понимающего хода машины, при виде ее действия кажется, что важнейшая часть этой машинны есть та *щепка*, которая случайно попала в нее и, мешая ее ходу, треплется в ней. Человек, не знающий устройства машины, не может понять того, что не эта портящая и мешающая делу щепка, а та маленькая, *передаточная шестерня*, которая неслышно вертится, есть одна из существеннейших частей машины.

Настоящих, но незаметных, неизвестных героев, таких как Дохтуров, писатель сравнивает с маленькой передаточной шестерней, которая вертится неслышно, однако является одной из существеннейших частей машины. А героев и гениев, о которых много говорят, громко кричат — с щепкой, которая случайно

попала в машинх и, мешая ее ходу, треплется в ней, производя кажущееся впечатление своей важности.

§ 7 Механизм является всемогущей силой, не допускающей исключений. То, что отделяется от механизма, становится бесцельным.

Но странное дело, все эти распоряжения, заботы и планы, бывшие вовсе не хуже других, издаваемых в подобных же случаях, не затрогивали сущности дела, а как *стрелки циферблата в часах*, отделенного от механизма, вертелись произвольно и бесцельно, не захватывая колес.

О чем бы он ни начал думать, он возвращался к одним и тем же вопросам, которых он не мог разрешить и не мог перестать задавать себе. Как будто в голове его *свернулся* тот главный *винт*, на котором держалась вся его жизнь. *Винт* не входил дальше, не выходил вон, а вертелся, ничего не захватывая, все на том же нарезе, и нельзя было перестать вертеть его... Смерть, которая все кончит и которая должна прийти нынче или завтра,—все равно через мгновение, в сравнении с вечностью». И он опять нажимал на ничего не захватывающий *винт*, и *винт* все так же вертелся на одном и том же месте.

С той минуты, как Пьер увидел это страшное убийство, совершенное людьми, не хотевшими этого делать, в душе его как будто вдруг выдернута была та *пружина*, на которой все держалось и представлялось живым, и все завалилось в кучу бессмысленного сора.

Отметим, что в трех вышеприведенных примерах, оказалось, имеется нечто общее — негативное состояние духа, абсолютная пустота, бесполезность и тщета жизни.

- ① стрелки циферблата ... вертелись произвольно и бесцельно
- ② ... свернулся тот главный винт, на котором держалась вся его жизнь
- ③ (ничего не захватывающий) винт все же вертелся на одном и том же месте
- ④ ... выдернута была та пружина, на котором все держалось и представлялось живым, и все завалилось в кучу бессмысленного сора

§ 8 физические законы и явления — земное притяжение, законы динамики и механики, — употребляются в качестве образов по темам; движение войск, их столкновение, отступление и сила жизненности человека. У Л. Н. Толстого наблюдается сильная склонность к точным выражениям, которая приводит к частому сравнению описываемого события с физическим явлением.

Французское войско с постоянно увеличивающейся силой стремительности несется к Москве, к цели своего движения. Сила стремительности его, приближаясь к цели, увеличивается подобно *увеличению скорости падающего тела по мере приближения его к земле.*

Выйдя на большую дорогу, французы с поразительной энергией, с быстротою неслыханной побежали к своей выдуманной цели. Кроме этой причины общего стремления, связывавшей в одно целое толпы французов и придававшей им некоторую энергию, была еще другая причина, связывавшая их. Причина эта состояла в их количестве. Сама огромная масса их, как в *физическом законе притяжения*, притягивала к себе отдельные атомы людей. Они двигались своей стотысячной массой как целым государством.

Самое число их и тесное, быстрое движение лишало их этой возможности и делало для русских не только трудным, но невозможным остановить это движение, на которое направлена была вся энергия массы французов. *Механическое разрывание тела не могло ускорить дальше известного предела совершавшийся процесс разложения.*

Ком снега невозможно растопить мгновенно. *Существует известный предел времени*, ранее которого никакие усилия тепла не могут растопить снега. Напротив, чем больше тепла, тем более крепнет остающийся снег.

В русском войске по мере отступления все более и более разгорается дух озлобления против врага: отступая назад, оно сосредоточивается и нарастает. Под Бородиным происходит столкновение. Ни то, ни другое войско не распадается, но русское войско непосредственно после столкновения отступает так же необходимо, как *необходимо откатывается шар, столкнувшись с другим, с большей стремительностью несущимся на него шаром*; и так же необходимо (хотя и потерявший всю свою силу в столкновении) стремительно разбежавшийся шар нашествия прокатывается еще некоторое пространство.

Теперь только Пьер понял всю силу жизненности человека и спасительную силу перемещения внимания, вложенную в человека, подобную *тому спасительному клапану в паровиках, который выпускает лишний пар, как только плотность его превышает известную норму.*

Он не видал и не слышал, как пристреливали отсталых пленных, хотя более сотни из них уже погибли таким образом. Он не думал о Каратаеве, который слабел с каждым днем и, очевидно, скоро должен был подвергнуться той же участи. Еще менее Пьер думал о себе.

§ 9 Семантическая группа “сильный” обозначает человека, обладающего блестящим умом и твердой волей для исполнения дел. Таким человеком в романе является, например, Анна Павловна Шерер. Л. Н. Толстой не смог спокойно закончить описания этой женщины, не употребив образных сравнений. Писатель наделяет Анну Павловну способностью проникать в психологию людей и необыкновенным умением общаться с ними. Она сравнивается то с хозяином прядильной мастерской, то с хорошим метрдотелем, то с полководцем, имеющим тысячи новых блестящих мыслей.

— Мы после поговорим, — сказала Анна Павловна, улыбаясь.

И. отделившись от молодого человека, не умеющего жить, она возвратилась к своим занятиям хозяйки дома и продолжала прислушиваться и приглядываться готовая подать помощь на тот пункт, где ослабевал разговор. Как *хозяин прядильной мастерской*, посадив работников по местам, прохаживается по заведению, замечая неподвижность или непривычный, скрипящий слишком громкий звук веретена, торопливо идет, сдерживает или пускает его в надлежащий ход, — так и Анна Павловна, прохаживаясь по своей гостиной, подходила к замолкнувшему или слишком много говорившему кружку и одним словом или перемещением опять заводила равномерную, приличную разговорную машину.

Как *хороший метрдотель* подает как нечто сверхъестественно-прекрасное тот кусок говядины, который есть не захочется, если увидеть его в грязной кухне. так в нынешний вечер Анна Павловна сервировала своим гостям сначала виконта, потом аббата, как что-то сверхъестественно-утонченное.

Пьер хотел присоединиться к первому, но Анна Павловна, находившаяся в раздраженном состоянии *полководца* на поле битвы,

когда приходят тысячи новых блестящих мыслей, которые едва успеваешь приводить в исполнение, Анна Павловна, увидев Пьера, тронула его пальцем за рукав:

— Attendez, j'ai des vues sur vous pour ce soir. — Она взглянула на Элен и улыbnулась ей.

В один ряд с Анной Павловной поставлены, как сильные, Анна Михайловна и Наполеон, которые сравниваются с “хирургом-врачом” по основанию сопоставления “гордость и уверенность специалистов”.

— Не входите, — сказала она старому графу, шедшему за ней, — после, — и затворила за собой дверь.

Граф приложил ухо к замку и стал слушать.

Сначала он слышал звуки равнодушных речей, потом один звук голоса Анны Михайловны, говорившей длинную речь, потом вскрик, потом молчание, потом опять оба голоса вместе говорили с радостными интонациями, и потом шаги, и Анна Михайловна отворила ему дверь. На лице Анны Михайловны было *гордое выражение оператора*, окончившего трудную ампутацию и вводящего публику для того, чтоб она могла оценить его искусство.

Он интересовался пустяками, шутил о любви к путешествиям Боссе и небрежно болтал так, как это делает знаменитый, *уверенный и знающий свое дело оператор*, в то время как он засучивает рукава и надевает фартук, а больного привязывают к койке: «Дело все в моих руках и в голове, ясно и определено. Когда надо будет приступить к делу, я сделаю его, как никто другой, а теперь могу шутить, и чем больше я шучу и спокоен, тем больше вы должны быть уверены, спокойны и удивлены моему гению».

§10 В группу “слабый” входит в первую очередь человек в раннем возрасте — “ребенок”, “дети” “школьник”, “ученик”; два последних образа включает в себя негативное значение.

{ школьник, не выучивший урок
школьник, бежавший с урока
ученик, торопящийся идти играть, доканчивая урок
сбившийся ученик

Наполеон, представляющийся нам руководителем всего этого движения (как диким представлялась фигура, вырезанная на носу корабля, силою, руководящею корабль), Наполеон во все это время

своей деятельности был подобен *ребенку*, который, держась за тесемочки, привязанные внутри кареты, воображает, что он правит.

Быть энтузиасткой сделалось ее общественным положением, и иногда, когда ей даже того не хотелось, она, чтобы не обмануть *ожиданий людей*, знавших ее, делалась энтузиасткой. Сдержанная улыбка, игравшая постоянно на лице Анны Павловны, хотя и не шла к ее отжившим чертам, выражала, как у избалованных *детей*, постоянное сознание своего милого недостатка, от которого она не хочет, не может и не находит нужным исправляться.

Липо капитана выражало беспокойство *школьника*, которому велят сказать не выученный им урок. На красном (очевидно, от невоздержания) лице выступали пятна, и рот не находил положения.

Беспрестанно оглядываясь на со всех сторон двигавшиеся обозы выезжавших из Москвы и оправляясь своим тучным телом, чтобы не соскользнуть с дребезжащих старых дрожек, Пьер, испытывая радостное чувство, подобное тому, которое испытывает *мальчик*, убежавший из школы, разговорился с извозчиком.

Граф Илья Андренч из кабинета, где он беседовал с Митенькой, слышал ее пенье и, как *ученик*, торопящийся идти играть, доканчивая урок, путался в словах, отдавая приказания управляющему, и, наконец, замолчал, и Митенька тоже слушая, молча, с улыбкой, стоял перед графом.

Что прикрытия не было, этого не сказал Тушин, хотя это была сушая правда. Он боялся подвести этим другого начальника и молча, остановившимися глазами, смотрел прямо в лицо Багра-тиону, как смотрит сбившийся *ученик* в глаза экзаменатору.

§11 Образ “зверь”, обычно входящий в лексико-семантическую группу “сильный”, в данном романе Л. Н. Толстого почти всегда включает значение слабой позиции — раненый, подбитый, подстреленный, загнаный⁽⁴⁾. По этой причине мы относим его к группе “слабый”.

Русские отступают за сто двадцать верст — за Москву, французы доходят до Москвы и там останавливаются. В продолжение пяти недель после этого нет ни одного сражения.

Французы не двигаются. Подобно *смертельно раненному зверою*,

(4) К. Аmano “К вопросу об образах в поэзии А. С. Пушкина в кн. “Asian Languages and General Linguistics”, Токио, 1990

который, истекая кровью, зализывает свои раны, они пять недель остаются в Москве, ничего не предпринимая, и вдруг, без всякой новой пощины, бегут назад:

Подбитый зверь под Бородиным лежал там где-то, где его оставил отбежавший охотник; но жив ли, силен ли он был, или он только притаился, охотник не знал этого. Вдруг послышался стон этого зверя.

Стон этого *раненого зверя*, французской армии, обличивший ее погибель, была присылка Лористона в лагерь Кутузова с просьбой о мире.

Потом две пары французов подошли к пеступникам и взяли, по указанию офицера, двух острожных, стоявших с края. Острожные, подойдя к столбу, остановились и, пока принесли мешки, молча смотрели вокруг себя, как смотрит *подбитый зверь* на подходящего охотника.

Фабричный не мог идти. Его тащили под мышки, и он что-то кричал. Когда его подвели к столбу, он вдруг замолк. Он как будто вдруг что-то понял. То ли он понял, что напрасно кричать, или то, что невозможно, чтобы его убили люди, но он стал у столба, ожидая повязки вместе с другими и, как *подстреленный зверь*, оглядываясь вокруг себя блестящими глазами.

Наташа, как *подстреленный, загнанный зверь* смотрит на приближающихся собак и охотников, смотрела то на ту, то на другого.

§12 В настоящей работе автор поставил целью провести семантический анализ образных сравнений, точнее “образов” сравнений, используемых в романе “Война и мир”.

Автор нрежде всего заметил, что у Л. Н. Толстого встречается много сравнительных оборотов, значительных по размеру; один из оборотов даже достигает по длине полной главы.

Вышепроведенный анализ образов сравнений освещает некоторые особенности художественного приема и внутреннего мира писателя.

В семантической группе “бесчисленность”, самыми важными являются образы двух насекомых. С помощью образа “муравей” в первом случае изображается Москва, внутренне неразрушенная и могущественная, а в другом с помощью образа “пчела” — Москва вымирающая. Нас трогает стремление писателя к крайне тщатель-

(5) К. Аmano “Об образах сравнений в романе Евгений Онегин” Кобэ, 1986

ному описанию Москвы через великолепные сравнения.

В группе “механизм” образ “часы” символизирует неизбежное и неукротимое движение истории, отражая взгляды Л. И. Толстого на мир.

Отметим, что “винт”, “пружина” употребляются в качестве образа, когда они находятся в испорченном состоянии, что сближает их с образом “слабый”.

В последней группе “сильный и слабый”, образ “слабый” употребляется чаще, чем “сильный”, хотя в последний включены блестящие сравнения по теме “Анна Павловна Шерер”. В группу “слабый” входят “школьник” и “ученкк”, которые во многих случаях включают в себя негативное значение. Образ “зверь”, который должен принадлежать к сильному, в данном романе употребляется вместе с определением со значением слабой позиции.

В предыдущей работе для обозначения двух противоположных явлений автор предложил понятие “светлое и темное”. К приему противопоставления часто прибегает А. С. Пушкин в своем творчестве. Как видим, не избегает этого приема и Л. Н. Толстой, в чем проявляется некоторая общность художественных средств, используемых двумя литературными гигантами.